

Нарастающая разруха, смута и нападения со всех сторон приводят Блока к углубляющемуся творческому кризису, депрессии и прогрессирующей болезни. После «Двенадцати» и «Скифов» (обе вещи были написаны в январе 1918 года) Блок как поэт замолчал. В конце июня 1920 года он сам сказал о себе: *«Писать стихи забывший Блок...»*, а на все вопросы о своем молчании всякий раз отвечал коротко:

— Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?

Шум и грохот «мировой истории», с которого начиналась поэма «Двенадцать», постепенно затихли, уступив место тишине, давящей тишине, а потом и мертвой. В феврале 1919 года, во время антибольшевистских рабочих выступлений на заводах Петрограда, Блок (вместе с Евгением Замятиным и другими деятелями искусства, связанными с левыми эсерами) был арестован петроградской Чрезвычайной Комиссией. Его заподозрили в участии в антисоветском заговоре. Через день, после двух долгих допросов, Блока все же освободили, поскольку за него вступился Луначарский. Однако даже эти полтора дня тюрьмы надломили его. В 1920 году Блок записал в дневнике: *«...под игом насилия человеческая совесть умолкает; тогда человек замыкается в старом; чем наглей насилие, тем прочнее замыкается человек в старом. Так случилось с Европой под игом войны, с Россией — ныне»*.

«Поэма “Двенадцать”, однако, успела пробить брешь в широкую толпу, ту толпу, которая никогда раньше Блока не читала. Поэму “Двенадцать” эта толпа опознала по слуху, как родственную ей по своей словесной конструкции, словесной фонетике, которую вряд ли можно было тогда называть “книжной” и которая скорее приближалась к частушечной форме.

Несмотря на наступившее творческое молчание поэта, его популярность, благодаря “уличной” фонетике “Двенадцати”, росла со дня на день» (Ю. П. Анненков. Воспоминания о Блоке).

И как бы в ответ Анненкову звучит голос той самой толпы и голос самого Блока из воспоминаний Корнелия Зелинского, позднее — известного литературного критика, но тогда — только двадцатилетнего юнца, вполне одержимого левыми идеями: «Ранней осенью 1918 года я встретил на Невском проспекте Александра Блока. Поэт стоял перед витриной продовольственного магазина, за стеклами которой висели две бумажные полосы. На них были ярко оттиснуты слова: на одной — “Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем”, а на другой — “Революционный держите шаг! неугомонный не дремлет враг!”» Под каждой из этих строк стояла подпись: “Александр Блок”. Поэт смотрел на эти слова, словно не узнавая их, круглыми спокойнотревожными глазами, взор которых для меня всегда был полон содержания, привлекавшего к себе, но трудно объяснимого...

— Признаюсь, для нас радость и неожиданность, что и вы вошли в нашу борьбу, — по-мальчишески самоуверенно продолжал я, показывая на плакаты за витриной.

— Да, — смутился Блок, — но в поэме эти слова произносят или думают красногвардейцы. Эти призывы не прямо же от моего имени написаны, — и поэт будто с укоризной посмотрел на меня».

Читая поэму столетней давности, постараемся же сохранить все: и суждения Блока о фантастической по жестокости революционной эпохе, и его укоризненный взгляд на собеседников, вызывающих эти крутые суждения.